

Юта Бондаровская

Настало лето. Кончились занятия в школе, а Ютиной маме не давали на работе отпуск. Двоюродная сестра мамы, Варя, звала их к себе в гости в деревню, недалеко от Пскова, в письме она говорила, что Павел Иванович – учитель, организовал разные кружки в школе и Юте в деревне скучно не будет. Юта очень хотела поехать и уговорила маму отпустить ее одну.

Всю неделю, пока длились сборы в дорогу, Юта боялась, что мама передумает и не отпустит её одну. И только тогда, когда поезд тронулся, и за окном последний раз мелькнуло взволнованное лицо матери, Юта окончательно успокоилась. Наконец-то и для неё началось лето!

***

Но лето в этом году не настало. Июньской прозрачной ночью война заслонила солнце от людей чёрными крестами самолётов. Война грязным дымом пожарищ закоптила небо. Юта видела по ночам, как горело и рвалось оно в той стороне, где был Ленинград, где осталась мама... Видела, как шли и шли через их деревню беженцы, горбатые от узлов с пожитками. Видела, как молча уходили на войну мужчины. Слышала, как плакали женщины, провожая на войну мужей, отцов, сыновей. И сердце её сжималось от горя и ненависти.

***

Павел Иванович сидел возле избы на бревне и чинил сапоги. Изба стояла на высоком кустистом взгорье возле реки, и отсюда учителю была хорошо видна вся деревня и колхозный клуб. Возле крыльца колхозного клуба днём и ночью стояли немецкие часовые.

Юта перелезла через забор и села

рядом с учителем. Тоненькая, грустная. – Дядя Павел, правду говорят, что немцы Ленинград окружили?

– Правду.

– Но там же моя мама! – сказала Юта. – Мама моя там, а я здесь и!.. и... – голос у Юты задрожал. Она закрыла ладонями лицо и всхлипнула.

– Ну, подумай сама, разве им Ленинград взять? – Павел Иванович надел сапог и притопнул ногой. – Ни за что не взять – кишка тонка! Кишка тонка, – повторил учитель и засмеялся.

Юта перестала плакать.

– Дядя Павел, правду говорят, что у нас в лесу партизаны есть? Будто они вчера целый поезд с танками подорвали?

Павел Иванович достал кисет.

– Может, и верно говорят, а может, и нет, – сказал он не сразу, – чего не знаю, того не знаю. Всё может быть.

– Эх, уйти бы к партизанам! – Юта вздохнула. Потом повернулась к учителю и прошептала горячо: – Ведь я

же пионерка! Я же клятву давала! Вот, смотрите, – Юта вытащила из кармана кончик красного пионерского галстука. – Он всегда со мной. Что делать, дядя Павел?

– Расти, Ютик, расти – твоё самое главное дело, – серьёзно сказал учитель. Он посмотрел на тот край деревни, где стояли гитлеровские солдаты, и добавил: – Партизаны есть ли, нет, не знаю, а вот галстук свой спрячь подальше... пока.

– Эх, вы... Я-то думала... расти, расти... Как же можно расти, когда кругом одни фашисты?! Не верите вы мне, вот что!

Павел Иванович поднялся. Стиснул плечо Юты железными пальцами.

– Не дело кричать о таких вещах на всю улицу. Большая. Поняла, Ленинградка?

Юта сидела на полузатопленной лодке в камышах. На своём любимом месте. Смотрела, как дрожат звёзды в холодной воде, и думала.

«Убегу, – решила Юта, – убегу в лес к партизанам. Пусть дядя Павел ничего не знает, я сама их найду. Вот возьму сейчас и убегу. Ночью даже лучше, немцы давно спят, и никто не увидит. Буду подрывать немецкие поезда. Один за другим. Один за другим. Никто из фашистов к Ленинграду не подойдёт. А потом пойду в разведку, попробуюсь в Ленинград и спасу маму...»

Юта сидела долго. Может быть, целый час. И даже вздремнула немного. Так ей хорошо мечталось про партизанскую жизнь.

– Ты кто?

Юта вздрогнула. Чуть не упала с лодки в воду. Прямо перед ней стоял в камышах Николай Сахаров. Чубатый колхозный гармонист. Говорили, что он в лесу у партизан.

– Юта...

– А-а, ленинградская, – уважительно сказал Сахаров. Он подошёл ближе и присел рядом с Ютой на лодку. – По-

слушай, ленинградская, я знаю, тебе можно верить.

– Откуда вы знаете? – недоверчиво спросила Юта.

– Земля слухом полнится, – загадочно ответил Николай и прищурился, – люди говорят... а может, они перепутали что? Тогда я пойду...

– Нет, нет, не уходите, пожалуйста, – горячо сказала Юта, – люди ничего не перепутали!

– Так вот какое дело. Нужно срочно передать Павлу Ивановичу записку, и чтоб ни одна душа не знала, поняла?

– Дяде Павлу? – удивилась Юта. – Так он же... Николай усмехнулся.

– Завтра жду тебя с ответом. Здесь. Сердце её забило тревожно и радостно. А дядя-то Павел... Вот тебе и «ничего не знаю!»

Так Юта стала партизаном-разведчиком. Она передавала записки, бегала считала немцев в соседних деревнях, носила взрывчатку и патроны партизанам. Выполняла очень трудную и опасную работу. Юта чувствовала себя настоящей защитницей Отечества.

Юта вышла из дома с плетёной корзинкой в руке. Немцы, скучая, смотрели на неё из окон. Ясно, опять собирает по деревне куски хлеба. Вон сколько горбушек навалено в корзинке.

У перелеска её встретила Маша. До войны Маша жила в деревне, а теперь ходила сюда изредка. Тайком. С важными заданиями. Юта завидовала Маше. Передавать сведения, расклеивать листовки – одно, а вот воевать с настоящим пистолетом в руках – совсем другое дело.

– Молодец, Ютик, давай теперь я понесу, – сказала Маша.

И вдруг Юта замерла. Прямо на них, из-за поворота дороги, выехали на мотоциклах немцы.

– Кто есть такие? – спросил длинный офицер.

– Нищенки мы, – быстро заговорила Маша, приседая и кланяясь, – вот хлеба насобирали в деревне.

Из-за спины офицера выглянуло си-
вобородое, уродливое лицо Митьки Сы-
чёва, пьяницы и вора.

– Никакая она не нищенка, ваше бла-
городие! – закричал он. – Наша она,
деревенская! Вот ей-богу!

Сычёв спрыгнул на землю и выхва-
тил у Маши корзинку. Из корзинки на
траву упали похожие на мыло бруски
взрывчатки.

– Партизанен! – взвизгнул офицер.

Маша неожиданно ударила Юту в
спину, оттолкнула её от себя. Юта упа-
ла в кусты и побежала в лес. Немцы
уцепились за Машу. Маше удалось вы-
хватить пистолет и она застрелила двух
немцев. Ночью Машу расстреляли. И
этой же ночью Юта вместе с Павлом
Ивановичем ушла в лес.

***

В командирской землянке людно.
– Ютик! – грузный седой мужчина обнял
Юту и усадил рядом с собой на берё-
зовый чурбак. – Скоро придёт само-
лёт и отправит тебя на Большую землю.
Учиться будешь. Война – дело взрослых.

Юта сердито вырвалась из крепких
рук командира.

– Значит, учиться поеду, да? Буду си-
деть и ждать, пока другие для меня хо-
рошую жизнь завоюют? Не поеду! Не
имеете права!

Юта выхватила из кармана пионер-
ский галстук, быстро повязала его по-
верх телогрейки.

– Не имеете права! – снова крикнула
она.

– Вот это да! – партизаны засмеялись.

– Оставьте её с нами, товарищ коман-
дир! – попросили они.

Хмурое лицо командира засвети-
лось улыбкой.

Юта получила автомат, била фаши-

стов за всех советских людей наравне со взрослыми, не щадила себя, каждый день рисковала собой. Она мстила за всех убитых женщин и детей, за сожженные деревни и, конечно же, за свой Ленинград и маму, которая была там...

***

– Блокаду прорвали! Блокаду прорвали! Ура!

Юта забыла, что она партизанка, разведчица. Она прыгала на одной ноге, как первоклассница, и хлопала в ладоши.

Мороз щипал её за нос. Веселил. Румянил щёки. Колючие, холодные снежинки лезли за воротник полушубка. Качнулись толстые лапы ели, роняя снег. На поляну вышел командир отряда и армейский полковник. Вот уже несколько дней как партизаны соединились с частями Советской Армии.

Командир постоял минуту, наблюдая, потом улыбнулся и шагнул в круг.

– Поздравляю, Ютик!

– Спасибо! – звонко крикнула Юта и спросила: – А правду говорят, что мы пойдём в тыл к фашистам помогать эстонским партизанам?

– Правду, – сказал командир.

***

Партизаны уходили всё дальше и дальше в тыл врага. Ветер хлестал по лицам, забивал снежной пылью рот. Острые ледяные торосы преграждали путь. Люди скользили, падали, поднимались с трудом.

На вторые сутки отряд вышел к эстонскому берегу. Небольшой хутор слабо светился в тёмном лесу. Там были еда и тепло. Главное – тепло. Но за каждым кустом мог притаиться враг. Надо было обязательно выслать разведку. Отправили Юту.

Немцев на хуторе не оказалось.

Партизаны расположились на ночлег. И никто не заметил, как один из жителей хутора скрылся в темноте.

Юта спала крепко, даже во сне прижимала к себе автомат. Внезапно густую ночь разорвали выстрелы. Юта вскочила, стала растирать глаза обмороженными пальцами. Руки не слушались.

Дверь в избу распахнулась.

– Немцы!!!

Сон слетел мгновенно. Юта бросилась следом за партизанами.

– Куда?! – крикнул командир. – Назад! Без тебя справимся!

Но разве Юта могла сидеть в избе, когда товарищи бьются насмерть?

Сжимая автомат, она выбежала на улицу.

Соседняя изба горела. Яркое пламя полосовало чёрное небо, и в его отсветах хорошо были видны немцы.

Партизаны пошли в атаку. Вместе с ними шла Юта.

Неожиданно сзади застрочил немецкий пулемёт. Юта стремительно повернулась на выстрелы, пошатнулась и упала на снег.

– Юта, Ютик, ты ранена?

Юта попыталась подняться и снова упала. С автоматом на вытянутых руках.

***

В музее истории Ленинграда есть небольшая витрина. Санкт – Петербургские мальчишки и девчонки часто приходят сюда – и подолгу смотрят на фотографию девочки в берете, с удивительно живыми синими глазами.

Девочка на фотографии улыбается и ребята знают, что такие, как Юта, не умирают.

Они вечно живут с нами.

***

Юная партизанка награждена посмертно медалью «Партизану Отечественной войны I степени» и орденом «Отечественной войны I степени» посмертно.

